45. БЫЛЬ ПРО СЕБЯ.

Отецъ мой былъ крестьянинъ Курской губерніи, жилъ въ свое время безбѣдно, но когда онъ умеръ и мать осталась одна съ дѣтьми, то хозяйство наше поразстроилось. Когда мы, сыновья, подросли, — а насъ было четыре брата — и мать положила заклятіе, чтобы не раздѣляться, даже и женатымъ, а жить вмѣстѣ, то состояньице наше стало опять по немногу поправляться. Старшій братъ хозяйничалъ, а мы, хоть и были всѣ четверо погодки, были у него подъ приказомъ. Покуда мы были малы, то мать колотилась съ нами и ей было тяжело; но какъ мы всѣ вдругъ подросли и рабочихъ рукъ стало много, то и хозяйство наше стало вдругъ поправляться.

Двое старшихъ братьевъ ужъ были женаты, когда сказанъ былъ у насъ рекрутскій наборъ. Намъ, какъ четверникамъ, не миновать было рекрутчины и потому весь домъ нашъ, вся

семья, заливалась горькими слезами. Мать совсѣмъ извелась въ три дня отъ плачу и печали, причитывая то надъ однимъ изъ насъ, то надъ другимъ, какъ надъ покойникомъ; я былъ младшій, еще парень глупый, и плачъ матери и невѣстокъ меня совсѣмъ смутили и напугали; третій братъ былъ малорослый и въ солдаты не годился, а потому и не горевалъ; но двое старшихъ, какъ послышали, что бѣда подходитъ, бѣжали и стали прятаться въ лѣсахъ и оврагахъ. Наберутъ, бывало, ночью тайкомъ хлѣба, и уйдутъ дня на три, на четыре; а я оставался одинъ съ матерью и съ невѣстками, потому что третій братъ объ эту пору былъ въ извозѣ.

Подумавъ, и мнѣ сидѣть дома не полюбилось; глядя на старшихъ братьевъ, я и подумалъ: за что же я одинъ останусь и буду отвѣчать за нихъ? Вотъ, какъ пришли они за хлѣбомъ домой, залѣзши въ свою избу, какъ воры, черезъ зады да коноплянники, я и сталъ проситься съ ними. Они мнѣ сказали на это, что мнѣ бояться нечего, что меня не возьмутъ, а

сами опять ушли, покинувъ меня. Я сначала было повѣрилъ имъ, но послѣ разсудилъ, что они меня обманываютъ; почему и рѣшился уйти самъ по себѣ. Взявъ запасъ хлѣба, я вышелъ ночью и пошелъ, куда глаза глядятъ, потому что я до этого времени, какъ младшій, почти не бывалъ нигдѣ за селомъ.

Такимъ образомъ шелъ я, больше по ночамъ, недѣли двѣ, не зная гдѣ я и куда иду. Съѣвши весь хлѣбъ, увидѣлъ, что пришла бѣда: ѣсть до смерти хочется, а взять нечего и негдѣ: просить и стыдно и страшно, чтобъ не стали допытываться, а украсть и подавно боюсь. Однако голодъ донялъ меня такъ, что я подъ вечеръ зашелъ въ первую встрѣчную деревню, вошелъ въ избу и заставъ тамъ одну только хозяйку съ ребятишками, всплакался ей, признался во всемъ и просилъ, чтобъ она меня накормила. Ей меня жаль стало; давши мнѣ поѣсть и ломоть хлѣба на дорогу, она сказала: Богъ съ тобою, иди куда знаешь!

Два дня шелъ я опять степью, все на полдень, и опять проголодался на смерть. Доняла меня такая грусть, что ужъ радъ бы былъ воротиться, да не знаю, куда итти. Наконецъ я ослабъ, заболѣлъ, а деревни нигдѣ не попадается. Я кормился одною только сырою рожью и гречихой, ѣлъ траву, какъ скотина, — день лежалъ въ хлѣбахъ, а ночью шелъ, самъ не зная куда.

На разсвѣтѣ одного дня взошелъ я на курганъ, чтобъ увидать, гдѣ растетъ хлѣбъ и залечь въ него, потому что мѣста были степныя, голыя. Увидавъ издали, неподалеку дороги, горохъ, я обрадовался ему, какъ своему добру, забрался въ него, наѣлся вволю, и нарвавъ себѣ запасу въ пазуху, хотѣлъ уйти, какъ вдругъ увидѣлъ ѣдущаго по дорогѣ мужика; я притаился, но онъ меня увидалъ, спускаясь по изволоку, подъѣхалъ, вызвалъ и связалъ мнѣ назадъ руки. Я такъ оробѣлъ, что и не противился ему; я былъ еще парень молодой и крѣпко отощалъ, а онъ мужикъ здоровый.

Связавъ меня, онъ порядкомъ отстегалъ меня кнутомъ и, привязавъ меня къ

оглоблѣ, поѣхалъ. Мнѣ надо было по неволѣ равняться съ лошадью, которая порой бѣжала рысцой. Такимъ образомъ привелъ онъ меня въ свой домъ, который былъ не въ деревнѣ, а стоялъ въ полѣ одиночкой, какъ хуторъ. Въ избѣ развязалъ онъ мнѣ руки, погрозилъ кнутомъ и послалъ на–печь, приказавъ сидѣть тамъ смирно.

Между тѣмъ хозяйка собрала обѣдать; онъ сѣлъ, поѣлъ, разсказалъ ей, что поймалъ вора въ горохѣ, какого–то бродягу — а я сижу между тѣмъ на печи, голодный какъ волкъ, и не знаю, что будетъ. Немного погодя, хозяйка сказала: ужъ хоть воръ, а надо же и его чѣмъ нибудь накормить; а хозяинъ отвѣчалъ: да я ужъ накормилъ его вотъ этимъ — кнутомъ, — развѣ еще прибавить? — Однако, дай ему щицъ и хлѣба. Самъ легъ спать, а хозяйкѣ велѣлъ строго меня стеречь, чтобъ не ушелъ.

Отдохнувъ съ часокъ, хозяинъ всталъ, — а онъ ѣздилъ куда–то, да ночь былъ въ дорогѣ, — онъ опять связалъ меня,

вывелъ на дворъ и привязалъ къ осѣдланной лошади, самъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Бѣгу я въ припрыжку, не знаю, что изъ меня и будетъ, куда меня ведутъ: сколько ни прошусь, а онъ молчитъ себѣ и не глядитъ на меня. Между тѣмъ насталъ вечеръ, смерклось и захватила насъ темная ночь, такъ что не видать было ни зги. Я бѣгу, спотыкаюсь и падаю, и хозяинъ ругаетъ меня, что я плохо за нимъ поспѣваю и онъ черезъ меня запоздалъ и сбился съ дороги и не попадетъ, куда надо было, къ ночи. Побившись еще съ часокъ, хозяинъ увидалъ, что не шутя сбился съ дороги; нашли тучки, поднялся встрѣчный вѣтеръ и пошелъ мелкій, докучливый дождь. Хозяинъ свернулъ съ дороги въ сторону, досталъ желѣзныя конскія путы, приковалъ меня на замокъ, нога съ ногою, къ лошади, и заставилъ такимъ образомъ стеречь ее, а самъ, не говоря ни слова, легъ, укрылся одежой и уснулъ. Все это сдѣлалъ онъ молча, не сказавъ мнѣ ни одного слова и не отвѣчая также ни однимъ словомъ на всѣ просьбы мои.

Лошадь стала пастись и шагъ за шагомъ потащила меня за собою, а я долженъ былъ не хотя итти за нею, шагая съ нею въ ногу; если я зѣвалъ, то она вдругъ дергала меня желѣзными путами, и сбивала съ ногъ. Долго проходилъ я съ нею такимъ образомъ и замучился до того, что съ отчаянья завылъ голосомъ. Чтобы хоть немного отдохнуть, я поймалъ ее за морду, приподнялъ ей голову и, не давая пастись, заставлялъ стоять смирно на одномъ мѣстѣ. Оглядываясь кругомъ, между тѣмъ какъ она все дергала и рвала меня, то головою, то ногою и путами, я увидѣлъ, что мы съ нею отошли довольно далеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ хозяинъ; тогда пришло мнѣ вдругъ въ голову другое: что, кабы мнѣ удалось сбить съ ноги путы, сѣсть на готовую, осѣдланную лошадь и ускакать? Придумавъ это, я взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ ее еще далѣе: ночь была такъ темна, что не видать было, куда ступаешь ногой. Я очутился съ лошадью въ оврагѣ, гдѣ былъ мелкій кустарникъ; тутъ я остановился и сталъ, присѣвши, ощупывать

свои кандалы; но я увидѣлъ, что мужикъ мой не ошибся, пустивъ меня беззаботно съ лошадью на всѣ четыре стороны: путы были изъ крѣпкаго, крученаго желѣза и такъ хорошо наложены, что мало было надежды съ ними справиться. Однако, не хотѣлось мнѣ отстать отъ этого дѣла, другаго спасенія не было и я подумалъ: что будетъ, то будетъ, еще, должно быть, ночи много осталось — постараюсь; если хозяинъ не проснулся, то онъ до свѣту меня не найдетъ. Придерживая одной рукой лошадь за поводъ, я все еще сидѣлъ и перебиралъ другою рукою путы, чтобы найти въ нихъ тонкое и слабое мѣсто, гдѣ бы можно было ихъ перебить, а тамъ думалъ искать ощупью какого нибудь камня, снять стремя и попробовать своего счастья. Такимъ образомъ я сидѣлъ на корточкахъ, въ самомъ неловкомъ положеніи, какъ вдругъ лошадь моя фыркнула, сильно рванулась у меня изъ рукъ, понеслась со всѣхъ ногъ и поволокла меня таскомъ за собою, по землѣ. Не понимаю и теперь, какъ меня Богъ спасъ, что она мнѣ задними ногами не

раскроила черепа; но, конечно, она не успѣла сдѣлать со мною такимъ образомъ болѣе нѣсколькихъ скачковъ, какъ вдругъ взвилась было на дыбы, приподнявъ меня, кверху ногами, отъ земли, а потомъ вдругъ ударилась всѣмъ тѣломъ объ–земь. Я не успѣлъ опомниться и не зналъ, что съ нею дѣлается, какъ волки навалились на лошадь со всѣхъ сторонъ: первый, и видно, самый отчаянный, ухватилъ ее за горло — въ это–то время она и взвилась было на дыбы; но онъ, видно, мѣтко вцѣпился и разорвалъ ей горло, почему она и упала, забившись ногами; а прочіе бросились и начали ее рвать. Всѣ они подкрались такъ тихо, ни разу не завывая, что я ихъ вовсе не видалъ и не слыхалъ.

Нѣсколько времени лежалъ я, оглушенный и въ полупамяти, въ растяжку на землѣ; но вскорѣ, не смотря на разбитую голову и сильный испугъ, пришелъ въ себя, слышалъ, помнилъ и видѣлъ все, что около меня дѣлалось. Я лежалъ смирно, не смѣя привстать, ни даже пошевелиться; волковъ было вокругъ меня безъ малаго съ

десятокъ; лошадь моя лежала ужъ не живая, и они рвали и дергали ее со всѣхъ сторонъ, такъ, что даже и меня, прикованнаго къ ней, таскали съ нею вмѣстѣ по землѣ. Раза три тотъ либо другой обнюхивали меня вплоть, но опять кидались на свою добычу.

Я лежалъ и ожидалъ своего конца. Это длилось, какъ мнѣ казалось, очень долго, я думаю, болѣе двухъ часовъ; нажравшись до сыта, волки стали отходить по одиночкѣ, и присѣвъ тутъ же, по собачьи, на корточки, облизывались и выжидали своихъ товарищей. Въ числѣ ихъ было также гнѣздо молодыхъ, но уже порядочныхъ подростковъ, съ волчицей; одинъ изъ нихъ вздумалъ было сдуру завыть, но волчица тотчасъ же кинулась на него, оскаливъ зубы и онъ, замолчавъ и поджавъ хвостъ, принялся опять рвать зарѣзанную лошадь. Напослѣдокъ съ пятокъ волковъ, нажравшись, окружили меня, облизываясь и подошли вплоть, такъ что дотыкались до меня мордой, и стали обнюхивать; я лежалъ смирно и не дышалъ, они отошли, сѣли

вмѣстѣ и дружно завыли; потомъ вскочили и стали шататься порознь и затѣмъ вскорѣ всѣ разбѣжались. Немного погодя, я уже слышалъ голоса ихъ издалека, по ту сторону оврага.

Собравшись съ духомъ, я привсталъ, началъ въ потьмахъ присматриваться и увидалъ, что лошадь съѣдена была до–чиста; остались одни только растасканныя врознь кости. Путы все еще прикованы были по прежнему къ ногѣ конской, объѣденной кругомъ и оторванной, вмѣстѣ съ лопаткой, отъ туловища. Потянувъ свою ногу, я потащилъ за собою и ту; я щупалъ, глядѣлъ, придумывалъ — и не зналъ, какъ отъ нея отдѣлаться. Однако я принялся ломать конскую ногу въ колѣнкѣ и, послѣ долгаго мученья, успѣлъ въ этомъ: тогда я перекрестился и отправился вдоль по оврагу, волоча путы и кусокъ ноги конской за собой; но когда прошелъ первый страхъ, то я сталъ подогадливѣе, забралъ привѣсокъ этотъ въ руки и мнѣ стало по свободнѣе итти. Я ожидалъ каждую минуту что, либо хозяинъ меня нагонитъ, либо

опять волки нападутъ и съѣдятъ меня безъ пощады, потому что теперь уже у меня нечѣмъ было ихъ потчивать. Я шелъ шибко, временемъ и бѣжалъ, но наконецъ выбился вовсе изъ силъ и въ это время замѣтилъ начало зари. Успокоившись немного, я легъ, въ ожиданіи свѣта, въ кусты, въ балку (долина, оврагъ), и вскорѣ заснулъ.

Проспавъ, не знаю, сколько времени, я проснулся; солнышко было уже высоко. Сперва я не могъ опомниться: разбитая голова моя болѣла и все, что случилось со мною въ ночи, казалось мнѣ безтолковымъ сномъ. Но объѣденный волками мосолъ, съ путами на ногѣ моей, припомнилъ мнѣ все былое и увѣрилъ меня, что это быль, а не сонъ. Помолившись, усердно за спасеніе мое и горько покаявшись что пустился, по глупости и по примѣру старшихъ братьевъ, на такое недоброе дѣло, я и самъ не зналъ, что теперь начать, какъ быть, куда дѣваться и гдѣ найти чего нибудь поѣсть. Проклятыя путы и конскій мосолъ, смущали меня еще болѣе, а между тѣмъ нечѣмъ было сбить ихъ и я видѣлъ, что самъ не смогу отъ нихъ

отдѣлаться, а какъ мнѣ было съ этой колодой показаться кому нибудь на глаза, хоть бы въ деревню, хоть проѣзжимъ на дорогѣ? А какъ быть безъ хлѣба?

Между тѣмъ какъ я раздумывалъ все это и плакался на горькую судьбу свою, услышалъ я голоса: мимо меня, не вдалекѣ, пролегала дорога, которой я и не замѣтилъ; по ней ѣхали чумаки, т. е. извощики на волахъ, съ обозомъ, и играли на сопѣлкахъ (дудочкахъ). Слушая издалека пѣсни эти, я крѣпко позавидовалъ добрымъ людямъ, которые, не боясь свѣта Божьяго и глаза другихъ людей, ѣдутъ себѣ спокойно и еще забавляются и веселятся. Чумаки остановились неподалеку этого мѣста, въ балкѣ, кормить своихъ воловъ, и поставивъ, по обычаю, возы рядами, распустили скотину, а сами раскинули треножники и принялись варить кашу.

Я все сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ чумаки ходили между возами, перекликались, шутили и смѣялись; потомъ закурился дымокъ подъ треножникомъ, понесся вѣтеркомъ на мою сторону, и мнѣ запахло

жаренымъ и варенымъ. Волы бродили вокругъ меня, близко, и одинъ изъ чумаковъ, пошедшій, чтобы согнать скотину въ кучу, поближе къ дорогѣ, чтобы не было потравы, увидалъ меня, подошелъ, посмотрѣлъ на меня молча и, подумавъ немного, сталъ подзывать товарищей. Чумаки сошлись надо–мной и стали допытываться, кто я, и что за человѣкъ? затѣмъ они взяли меня, дивуясь путамъ моимъ, съ лошадиной ногой, и привели въ обозъ, къ своему атаману или старшинѣ.

Я разсказалъ всю правду, что и какъ было; выслушавъ меня и подивившись моимъ похожденіямъ, они сжалились надо–мною, сбили съ меня путы и накормили кашицей со свинымъ саломъ. Когда они собрались опять ѣхать, то я сталъ проситься съ ними, но они не взяли меня, сказавъ, что боятся отвѣчать за это, а посовѣтовали мнѣ лучше итти домой. Я поблагодарилъ ихъ и за это, сказавъ, что радъ бы и домой, да ужъ не знаю дороги, не знаю, куда итти. Распросивъ меня хорошенько, откуда я, изъ какихъ мѣстъ

Курской губерніи, они показали мнѣ, какъ итти, сказавъ, что, видно, я шатался все вокругъ да около, потому что прямымъ путемъ будетъ не такъ далеко и въ недѣлю можно дойти.

Поблагодаривъ ихъ, я пошелъ и благополучно добрался до–дому. Глупость наша не послужила намъ къ добру: какъ начался наборъ и дошла до насъ очередь, то втораго брата моего отыскали, засадили и забрили ему лобъ; а хозяйка его, съ ребеночкомъ, черезъ меня остались сиротами. Въ то же время, какъ побѣгъ нашъ длился мѣсяцевъ пять, въ самую рабочую пору, отъ начала лѣта и до поздней осени, то и хозяйство наше больно потерпѣло и разстроилось. На бѣду за нами числились еще старыя недоимки, съ тѣхъ поръ, когда мать, оставшись съ малыми дѣтьми, не могла всего оплачивать; міръ платилъ за насъ, а разсчеты по этому дѣлу пошли ужъ годовъ пять спустя. Кромѣ того, по разстройству нашего хозяйства, мы и не могли уплатить даже сполна и новыхъ податей; сходка собралась, по разнымъ

мірскимъ дѣламъ, и присудила, между прочимъ, отдать меня, за побѣгъ и за недоимки, въ зачетъ, въ рекруты.

Это случилось уже зимой; такимъ образомъ я, прошатавшись почти полгода, натерпѣвшись голода и холода, наготы и босоты, и всякихъ страстей, да еще разоривъ, пополамъ съ братьями, все хозяйство наше, я таки судьбы своей не обошелъ; а кабы я, сперваначала, не послушавшись худаго разума, пошелъ бы прямо изъ семьи нашей въ рекруты, такъ ничего бы этого не было и оба старшіе, женатые братья мои сидѣли бы теперь дома, да вся семья молила бы за меня Бога.

Теперь, благодаря Бога, я служу хорошо; начальство довольно мною и не попадался я ни разу въ худомъ дѣлѣ. Больно только, что стараго грѣха не воротишь, прошлаго не поправишь. Доволенъ я хоть тѣмъ, что будучи отданъ за недоимки своего семейства, расплатился за него, и два оставшіеся брата могутъ содержать хозяйство и прокормить семью.